Андрей РАСТОРГУЕВ

ПОЭТЫ ВЫПАДАЮТ В НЕБО…

Постепенно обновляясь,
в Мурманске ждёт опубликования
авторская антология поэзии Кольского края

Недостатки любой антологии можно предсказать задолго до её выхода в свет. Ведь, что называется, на берегу понятно: ни один составитель не способен полностью избавиться от собственных знакомств и пристрастий. Не говоря уже о невозможности по-настоящему объять всё, что написано по-русски в рифму и верлибром за целое столетие. Хотя именно такую задачу предполагают, к примеру, названия вышедших в 1990-е годы томов «Строфы века» и «Русская поэзия XX века». А заглавие изданной в 2010 году антологии «Русская поэзия. XXI век» многие вообще восприняли как провокацию.

И всё-таки рубеж веков и тысячелетий, отнюдь не исчерпанный календарной линией пресловутого миллениума, по-прежнему подвигает пытливые умы к итогам – и не только в столицах. Тем более что общероссийский литературный процесс и при Советской власти был не слишком единым, а теперь и вовсе представляет собой некую россыпь региональных литератур.

При всём разнообразии представлений о сути литературы и её современном уровне сей географический, а потому нейтральный термин позволяет зафиксировать вполне бесспорный факт: в регионах России по-прежнему живет немало людей, которые профессионально пишут стихи и прозу и пополняют ряды наших писательских союзов. И кого-то из этих людей неизбежно должна была задеть неполнота столичных изборников.

Словом, антология поэзии Кольского края, в которую вошли более 350 стихотворений, созданных 143 авторами с конца XIX-го до начала XXI века, просто не могла не появиться на свет. Правда, пока что она уже восьмой год содержится в компьютере своего составителя Дмитрия Коржова. Конечно, это долгое хранение позволяет периодически обновлять её. Однако хочется верить, что наличие в Мурманске собственного книжного издательства и накопление по-настоящему

патриотически относящейся к своей малой родине элиты, в конце концов, всё-таки позволят рукописи увидеть свет. Тем более что, в отличие от подобных, изданных в 1962 и 1985 годах, этот сборник включает стихи тех 30-40-летних авторов, которые вместе со старшим поколением вершат современную историю кольской поэзии. И потому особенно интересен.

Хотя регион охватить куда проще, нежели всю Россию, избранный характер антологии, пусть даже дополненный знакомством с рядом книжек вышедшей в областном книжном издательстве серии «К 200-летию Пушкина» и несколькими номерами альманаха «Мурманский берег», позволяет представить лишь абрис той системы ценностей, которой придерживаются нынешние кольские поэты. И все-таки многие из штрихов этого беглого очерка вполне отчетливы.

…Мой город - без окраин,
без городских садов.
Мачтовый лес России
вышел в края морские,
в море отплыть готов…

Без этих строчек Виктора Тимофеева, ныне уже старейшины мурманского поэтического цеха, антология поморского края, безусловно, обойтись не могла. С яблоком, на боку которого алым пятнышком светится позднее солнце, сравнивает «привалившееся к материку» Белое море 65-летний Владимир Сорокажердьев. По возвращении из дальнего морского похода обещал расцеловать «северную грусть и небо над моею головою» теперь уже навсегда 54-летний Олег Бородин. Со взмахом волны сравнивает пробившиеся через мох валуны и с отбившимся от рук списанным матросом – дрожащие от вьюги листики берёз 56-летний Игорь Козлов.

Впрочем, у последнего традиционная маринистская элегия сменяется до риторики злободневным:

Продают пароход. Пароход продают.
И матросы по трапу уходят с вещами,
Унося свою жизнь из знакомых кают.
Продают! Потому что страна обнищала...

А вместо оставшегося в другом, в одночасье рассыпавшемся мире Карлсона, который живет на крыше, тот же автор живописует бомжа Васю, который живет в подвале грязного дома и мечтает о пропеллере:

…Тогда бы Вася, простясь с тоскою,
Ведомый местью, обидой, злобой
Врубил пропеллер – и над Москвою
Завис бы в небе с нейтронной бомбой…

Самых опытных и повидавших виды, однако, уже никакая смута не удивит и не испугает.

…Выпью – полюблю любую думу,
может, президента полюблю…
А иссякнет доброе лекарство,
поспешу опять – где валуны,
посмотрю на наше государство
с ягельных высот, со стороны, -

посмеивается Владимир Сорокажердьев, при этом, «как первому ручью», кланяясь «Родине моей многострадальной». А Виктор Тимофеев поддерживает:

Что я видел? Всё я видел.
Всё я ел и всё я пил.
Пел. Смеялся. Ненавидел.
Верил. Мучился. Любил.
Жизнь... Взойдя уже на крышу,
не черню и не белю,
но – всё меньше ненавижу,
и всё более – люблю…

«Пусть хоть вечер один будет мир да любовь!» – вторит ему из следующего поколения Нодар Минадзе, читая горы, словно земную кардиограмму и, как визитные карточки, раздавая облака-приглашения друзьям, врагам и даже тем, кто безразличен к поэзии. И даже белый и страшный «айсберг во плоти», которым становится в густой мороз промёрзший насквозь троллейбус, пожирающий прохожих на своем

обычном маршруте, не мешает Марине Чистоноговой, по её словам, жить опять же любовью и дышать состраданьем. Тем более что из сегодняшнего – назвать последним не рискую – варианта антологии этот айсберг ушёл, уступив дорогу не только заострённо-социальному представлению жизни как бесконечного ожидания, когда исполнится посуленное государством, но и описанию неожиданной встречи отпускного североморского семейства с молодым флотским лейтенантом посреди захолустной деревни, не ведающей про День ВМФ. Встречи, которая сохраняет надежду на продолжение жизни, истории – и праздничного застолья, поскольку даёт повод вслед за традиционным третьим тостом посвятить флоту и четвёртый: «*…Мы выпьем за честь молодого,// Чтоб легче служилось ему…*»

«*Что русское? Только грусть.// Была и будет, и есть.// Болезнь, из которой рвусь,// Сердечная ересь, резь…,*» – сетует, сознавая свою неразрывную связь с Родиной и в то же время чуждость её коренным краям, продолжающая традицию классической женской поэзии и вместе с тем вполне современная в поисках формы Ольга Мартова, стихи которой вошли в уже упоминавшуюся «большую» антологию «Строфы века». Если у неё на Руси «даже зерно из рук валится в небо, не в грязь…», то у Николая Колычева, постигшего, что «жить куда труднее, чем бороться», «*…Не проклиная мир нелепый,// Увязший в безнадежной мгле,// Поэты выпадают в небо,// Когда им тяжко на земле…*»

И даже явно отдавший дань постмодернизму Иван Бессонов, признавая, что в его пейзажах нет «ни одной детали новгородской», заявляет:

...И, если за мою Россию
Мне доведется погибать...
Всего – сильней, всего – бессильней,
Я буду плакать, но стоять!
И лечь, где лечь - в траву, на клевер,
Но мхи родные буду звать
И поползу на Русский Север
Уже убитый - умирать…

Для старших литераторов, захвативших середину прошлого века, подобные мотивы были связаны прежде всего с Великой Отечественной войной. У поколений нынешних – другие битвы, не столь героические и

победные. И, может, по этой самой причине «своей» сразу для нескольких мурманских поэтов стала война не в Чечне, а в Югославии.

Сербию вспоминает в своих новых стихах опять же Виктор Тимофеев, ставший одним из организаторов первого из современных праздников славянской письменности, который состоялся в 1986 году именно в Мурманске. «Пойми, не будет мира!» – отвечает теперь уже перевалившему сорокалетний рубеж Дмитрию Ермолаеву старик в горном сербском селе, которое «на нас смотрело сиро, пугаясь свиста птиц, как свиста мин». Картины почти мирного Белграда и военного Сараево предстают на страницах «Сербской тетради» Дмитрия Коржова.

Тот же Ермолаев внимательно смотрит и на отечественные улицы, замечая на них и стоящего на паперти сироту, и живущего «почти что впроголодь» студента. И, хотя этот идущий под трамвайный перезвон студент ещё наивно «в себе уверен и в стране», поэт ему завидует. А в падающем снегу прозревает «чистые, небесные, густые» опилки – это день и ночь почти без отдыха «*Ангел Божий крохе сироте// Мастерит, старается – подарок…*»

Иные, присматриваясь к отечественной действительности, изъясняются куда жёстче. «*…Мне было двадцать,// Я был смел и глуп,// Спокойная жизнь, полагал я, равняется сну.// Я не стал алкоголиком и не сел на иглу –// Я выбрал в качестве средства от скуки Войну…,*» – цитирует своего знакомого, в 24 года ощущающего себя стариком, лирический герой Александра Рыжова. «*…Уже хоронили.// Мать сорвала крышку,// вытащила огрызок сына// и одела в чистую одежду…*» – завершает одно из своих стихотворений Максим Салтыков.

Впрочем, если процитированное стихотворение Салтыкова в нынешнем варианте антологии осталось, то подборка Рыжова со временем несколько изменилась – возвысилась и помягчела. Покровом по русской традиции его душа просветлялась и раньше, но сегодня в ней находится место и ещё более глубокому чувству единства с отечественной природой и историей. В деревне, например, «*...Пахнет кипчакской степью, сухой травой,// Птичьих трелей больше, чем ратников в воинстве Кончака…*», и «*Пенною влагой небо наполнено по весне,// Как Святославов череп, окованный серебром,// Из коего хлещет брагу неистовый печенег…*»

С некоторым недоумением рыжовский лирический герой наблюдает за тем, как стареет его поколение – последнее советское:

«*Великих руин наследники,// Недорасцветшие гении...*». И Дмитрий Коржов тоже оглядывается на вроде бы уже чужое, да по-прежнему неизбывное «краснозвёздное прошлое». Не парадный пафос и «державное дешёвое вино» влекут, но юность, «*Где мы – перестройки шальная пехота –// Любились, рожали детей,// И не было смерти – там, за поворотом,// Одна лишь любовь, без смертей…*»

Прогремев бубенцами электрических изоляторов и представив железную дорогу на берегу «рунящейся волны» рассохшимся развёрнутым бочонком, Александр Абрамов неожиданно обнаруживает в холодном приарктическом пейзаже «теплоту индустриальной пасторали». По-птичьи человечен – «жуткий воробышек» – у него и аккордеонист, инвалид и горький пьяница: словами весел, а в глуховатом голосе инструмента радости нет. Стихийной диалектики полны и телесные отношения мужчины и женщины, в которых не различается грань между любовью и ненавистью, укусом и поцелуем.

Единение с природой, с народными мифами, с Богом, надежда на светлое будущее детей – иных, новых средств сохранить собственную душу живой, неубитой мурманские поэты не выдумали.

«*…Утешения нет, только пенье на клиросе// Да свеча у распятия - за упокой...*» – подводит итог Марина Чистоногова. О граде Китеже и Беловодье вспоминает Галина Сиротинская из поколения сорокалетних. «Вестью от Бога» именует своё дитя её ровесница Елена Рыхлова, скорбно наблюдая за уходом друзей. «*…Душа, молитвами дыша,// Сыта и рада.// Нет за душою ни гроша.// Ей и не надо…*» – смиряется Василий Рябков.

Такой точки зрения, однако, среди молодых придерживаются далеко не все. Иные из них пытаются завоевать Москву, по сравнению с которой, к примеру, Елене Федотенко родной северный город теперь кажется неуютным. Впрочем, тайком пробираясь среди московской да и всей отечественной суеты, уже и она представляет своё сердце зайцем, скачущим через белое зимнее поле, где «на весну и намёка нет». И желания теперь вызревают иные: «*И я очень хочу, чтобы будущие мои сыновья// Стали здоровыми, умными, честными мужиками,// И прожили долго, и похоронили меня,// И землю присыпали собственными руками…*»

Алексей Полубота тоже обосновался в Москве, а Максим Салтыков проехал через неё во Францию, чтобы затем снова вернуться в Заполярье – но уже в норвежский Киркенес. Вспоминает о столице и Дмитрий Коржов:

…Пойдём на свет, Творцу доверясь слепо,
В тот мир, где и доселе всё жива
Молитвенно стремящаяся в небо,
Неведомая нам ещё Москва…

Но этот вертоград автор совсем не случайно именует утраченным. И тех, кто по молодости еще пытается отыскать его в других местах, лишать поэтической прописки в Мурманске пока что не торопятся.

2004-2011 гг.